

Морозова Татьяна Игоревна,

кандидат исторических наук, младший научный сотрудник сектора истории общественно-политического развития Института истории СО РАН

ЛИЧНЫЕ ЛИСТКИ ПО УЧЕТУ КАДРОВ КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ ПАРТИЙНО-СОВЕТСКОЙ ЭЛИТЫ СИБИРИ 1920-Х ГОДОВ*

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-39-00100

В результате развития Октябрьской революции в Советской России сложился однопартийный политический режим. С этого времени и вплоть до распада СССР важнейшими функциями органов РКП(б)–ВКП(б)–КПСС всех уровней являлись учет и распределение партийно-советских кадров. Выработанная в начале 1920-х годов для их осуществления система неоднократно трансформировалась в зависимости от накопленного большевиками опыта и изменений, происходивших в самой партии. Но какие бы коррективы не вносились партийно-советским руководством в учетно-распределительную работу, ее основу неизменно составляло ведение так называемых личных листков по учету кадров.

Являясь «личными» не только по названию, но и по сути, они долгое время были недоступны большинству исследователей. Только по истечении 75-летнего срока ограничения доступа к документам, содержащим персональные данные, российские историки получили возможность ознакомиться с этими источниками. С конца 1990-х – начала 2000-х годов личные листки по учету кадров стали нередко использоваться для установления конкретных фактов жизни и деятельности партийно-советских работников, составления отдельных биографических справок и целых справочников.

Однако анализ личных листков по учету кадров как некой специфической группы источников, обладающей своими преимуществами и недостатками, до сих пор не предпринимался. Максимально близко к решению этой задачи подошел С.Х. Нигматуллин, проанализировавший личные листки руководителей и учителей московских школ за 1930 е – 1950 е годы. Проследив основные изменения в наборе и формулировках вопросов, содержащихся в листках по учету кадров, автор пришел к выводу о зависимости «формы документа от исторического периода, в котором он использовался» [1]. Но каков информационный потенциал этого вида источников? И какие особенности при его использовании следует учитывать исследователю?

Чтобы ответить на эти вопросы, недостаточно изучить только форму личного листка по учету кадров. Важно выяснить условия его возникновения и проанализировать содержание уже заполненных документов. В настоящей статье такая попытка будет предпринята на основе материалов учетно-распределительного отдела ЦК РКП(б), а также нескольких десятков личных листков, отложившихся в личных делах представителей партийно-советской элиты Сибири 1920-х годов: членов Сибревкома, Сиббюро ЦК РКП(б), Сибкрайкома РКП(б)–ВКП(б) и Сибкрайисполкома Советов.

В 1920 – первой половине 1921 г. Центральный комитет РКП(б) вел учет партийно-советских кадров на основе анкет, высылать которые в Москву вменялось в обязанности губ-комам партии. Однако поступление этих материалов в аппарат ЦК было нерегулярным, а содержащаяся в них информация являлась, как правило, разрозненной и неполной.

Для того чтобы исправить положение, в начале лета 1921 г. ЦК РКП(б) постановил «провести перепись некоторых групп партработников в губерниях и уездах по наличию на 1 июля т[екущего] г[ода]» [2, № 32, с. 17]. В рамках подготовки к этой кампании учетно-распределительный отдел ЦК разработал специальную форму, озаглавив ее словосочетанием «личный листок» [3, л. 5–6]. Новый документ заметно отличался от использовавшихся ранее анкет. Во-первых, он состоял из четырех страниц, что в три-четыре раза превышало объем обычной анкеты. Во-вторых, часть вопросов была оформлена в виде таблиц, наличие которых вынуждало опрашиваемого давать более информативные ответы. Вместе с формой личного листка губкомам была также разослана инструкция по его заполнению, содержавшая краткие пояснения по каждому пункту [3, л. 4].

Благодаря переписи ответственных работников, проведение которой в ряде губерний затянулось до осени 1921 г., учетно-распределительный отдел ЦК получил личные листки на 20 511 человек, занимавших руководящие должности губернского и уездного уровней [2, № 33, с. 16]. На каждого нового работника, получившего назначение после завершения кампании, заводился, соответственно, новый листок.

Роль и место этого документа в системе партийно-советского учета были официально закреплены инструкцией, принятой состоявшимся при ЦК РКП(б) 12–18 декабря 1921 г. совещанием заведующих учетно-статистическими отделами губкомов. В ней прямо говорилось, что уездные и губернские комитеты партии должны вести учет всех руководящих кадров «по подлинникам личных листков» [4, л. 11]. Хранить листки следовало «отдельно от общего архива», сгруппировав их по отраслям работы (партийная, советская, профсоюзная и т.д.).

Быстрое увеличение численности ответственных работников и осуществленный в 1923 г. переход к номенклатурной системе учета кадров потребовали очередных изменений. В первой половине февраля 1924 г. специально созданная «Комиссия по реорганизации системы учета в учетном подотделе ЦК РКП(б)» приняла постановление, согласно которому ответственные работники были разделены на три категории:

«подлежащие полному учету», «подлежащие неполному учету» и «подлежащие периодическому учету» [5, л. 74–76].

К первой категории были отнесены сотрудники центральных учреждений, назначаемые и смещаемые с должности непосредственно по постановлению ЦК РКП(б), а также работники, «занимающие руководящие должности в отдельных важнейших губерниях». На них в обязательном порядке заводились личные дела, содержавшие личный листок, дополнение к нему, автобиографию и другие характеризующие работника документы.

Во вторую категорию включались сотрудники центральных учреждений, назначение и смещение которых осуществлялось с предварительным уведомлением ЦК РКП(б), работники губернского масштаба, «не вошедшие в номенклатуру полного учета», а также секретари, заведующие организационными и агитационно-пропагандистскими отделами парткомов, председатели исполкомов Советов и бюро профсоюзов уездного уровня. Кадры из этой категории учитывались прежде всего по личным листкам, к которым прилагались сведения о перемещениях с одной должности на другую. На таких работников не заводились личные дела и не собирались автобиографии.

Все остальные ответственные работники, члены РКП(б), окончившие вузы и втузы, коммунисты с дореволюционным партийным стажем, инженеры, агрономы и лица других востребованных специальностей подлежали так называемому периодическому учету. Основным документом для этого также служил личный листок.

Таким образом, именно личные листки по учету кадров стали основой учета для всех категорий партийно-советских работников. Причиной этого являлась, по всей видимости, высокая информативность разработанного учраспредотделом ЦК документа.

Со времени своего создания и до конца 1920-х годов личные листки состояли из 27 вопросов и раздела, специально отведенного для характеристики работника тем органом, в котором он служил. Наряду с фамилией, именем, отчеством, годом рождения, национальностью, родным языком, социальным и семейным положением, профессией, уровнем образования и военной службой в личном листке по учету кадров в обязательном порядке фиксировались также партийный стаж, данные о том, состоял ли опрашиваемый ранее в других партиях, участвовал ли в революции 1917 г., подвергался ли репрессиям за революционную деятельность, привлекался ли к партийному суду, имел ли теоретическую марксистскую подготовку. Такой набор вопросов отчасти подтверждает сформулированный в историографии тезис, согласно которому приоритетное внимание при назначении на ту или иную должность в Советской России уделялось не личным качествам и профессиональным навыкам, а в большей степени политической благонадежности.

Сведения о партийной работе или службе в других учреждениях заносились в личный листок в пункты под номерами 26 и 27 в виде таблиц, состоявших из четырех колонок, в которые записывалось когда, где, в каком учреждении и на какой должности данный ответственный работник служил. Анализируя всю вышеперечисленную информацию, учетно-распределительные отделы партийных комитетов могли составить относительно объективное представление о политических воззрениях,

политической активности и наличии практического опыта работника, что, как правило, определяло дальнейшее его назначение.

Описанной формой парткомы пользовались вплоть до начала 1930-х годов. Обновленный вариант личного листка по учету кадров был разработан и введен в оборот, по всей видимости, только в конце 1930 – начале 1931 г. Новые бланки были больше как по объему, так и по содержанию. Выйдя победителями из ожесточенной внутрипартийной борьбы 1920-х годов, И.В. Сталин и его сторонники попытались еще больше усилить контроль над партийно-советскими кадрами. Для этого к уже названным вопросам добавились такие пункты, как: «состоял ли ранее в ВКП(б), с какого по какое время, причины исключения или выбытия»; «участвовал ли в оппозициях (каких, когда)»; «членом какого профсоюза состоит».

Еще одним способом убедиться либо, напротив, усомниться в благонадежности того или иного работника было расширение и уточнение вопросов о прохождении военной службы. В 1920-е годы заполнявшему личный листок было предложено ответить на вопрос, служил ли он в армии (когда, в каком чине, звании, должности), что давало возможности для умолчания о нежелательных фактах биографии. В 1930-е же годы ответить предстояло в обязательном порядке о своей службе не только в Красной, но и в царской армии.

В ходе изучения партийно-советской элиты Сибири 1920-х годов в Государственном архиве Новосибирской области и в Государственном архиве Российской Федерации автору этой статьи удалось обнаружить личные листки как первой, так и второй формы. Одни из них были заполнены представителями партийно-советской элиты Сибири во время нахождения на службе в Сибревкоме, Сиббюро ЦК, Сибкрайкоме РКП(б)– ВКП(б) или Сибкрайисполкоме Советов, другие — уже после откомандирования на новую работу. В общей сложности было выявлено почти девять десятков документов. Их комплексный анализ позволяет сделать следующие промежуточные выводы:

1. Доверие вызывает содержащаяся в личных листках информация о том, к какой национальности принадлежит опрашиваемый, какой язык является для него родным, какими еще языками владеет и какие местности РСФСР «хорошо знает». Перечисленные вопросы заведомо предполагают ответы, основанные на самоидентификации и самооценке опрашиваемого. Поэтому веских оснований не доверять им нет.

2. Информативны в большинстве случаев ответы на вопрос об образовании. В соответствии с требованием, которое было приведено в скобках, опрашиваемые, как правило, указывали название учебного заведения, продолжительность и результат (окончил или не окончил) своего обучения. Отметим, однако, что некоторые представители партийно-советской элиты игнорировали содержавшееся в личном листке по учету кадров уточнение и ограничивались собственной оценкой уровня образования, вписывая в качестве ответа слова «домашнее», «низшее» или «среднее».

3. Трудностями сопровождается анализ возраста партийно- советской элиты. Вместо года рождения, который требовалось указывать в личном листке по учету кадров, многие ответственные работники вписывали возраст, в котором находились во время заполнения документа. В случае, если такой личный листок датирован, выяснить возраст на интересующее нас время можно путем пересчета, что, тем не менее, не гарантирует точность результата. Но если документ не был датирован, как иногда случалось, то установить по нему дату рождения и возраст на какой-либо конкретный год крайне сложно.

4. Практически невозможно определить по личным листкам социальное происхождение представителей партийно-советской элиты Сибири. Вопрос, в ответе на который, на первый взгляд, должна была содержаться необходимая информация, звучал так: «Социальное положение (прежнее сословие, звание, состояние и т.п.)». Только зная партийную терминологию 1920-х годов, можно правильно понять, что на самом деле планировал выяснить этим вопросом учраспред ЦК РКП(б). Дело в том, что под «социальным положением» в то время понимался социальный статус коммуниста «на момент вступления в партию». В условиях интенсивной социальной мобильности первой четверти XX в. этот статус далеко не всегда совпадал с социальным происхождением человека. Однако не только рядовые коммунисты, но даже члены краевых партийных и советских органов часто либо не различали данные понятия, либо намеренно выдавали одно за другое, если это позволяло им причислить себя к рабочему классу. Более информативными и надежными источниками в этом

отношении являются автобиографии и анкеты Всероссийской переписи членов РКП(б) 1922 г., как правило содержащие сведения о социальном статусе не только самого ответственного работника, но и его родителей.

5. Несомненным преимуществом листков по учету кадров по сравнению с другими делопроизводственными документами является наличие в них сведений о партийной и советской службе ответственного работника. Взятые в комплексе, эти источники наглядно демонстрируют, что 1920-е годы характеризовались очень высокими темпами как горизонтальной, так и вертикальной мобильности. Согласно личным листкам, продолжительность работы на одной должности в это время очень редко превышала более одного года. Для большинства партийно-советских работников Сибири 1920-е годы стали временем не только постоянной смены учреждений, но и последовательного повышения по карьерной лестнице. Изученные листки по учету кадров позволяют говорить о наличии последовательной восходящей тенденции. Откомандирование работника из одной организации в другую чаще всего сопровождалось повышением по службе.

6. Примечательно, что наличие различных партийных взысканий, таких как выговор, постановка на вид и т.п., сведения о которых также вносились в личные листки и в специальные дополнения к ним, в 1920-е годы, как правило, не мешало восхождению вверх по социальной лестнице. Ситуация изменилась лишь к концу десятилетия, когда распространенным явлением среди партийно-советских кадров стала нисходящая мобильность. Объяснение этому, вероятно, следует искать в задачах кадровой политики в целом. Достигнутое к началу 1928 г. укомплектование партийного аппарата необходимыми кадрами и обострившаяся в то же время потребность в кадрах для индустриализации и коллективизации способствовали использованию практики перевода с ответственной партийно-советской на низовую хозяйственную работу.

В целом анализ выявленных документов дает все основания утверждать, что личные листки по учету кадров содержат ключевую информацию о жизни и деятельности нескольких десятков членов Сибревкома, Сиббюро ЦК РКП(б), Сибкрайкома РКП(б)–ВКП(б) и Сибкрайисполкома Советов. Это позволяет использовать выявленные документы для изучения партийно-советской элиты Сибири на персональном уровне.

Однако потенциал данного вида источника гораздо шире. Единый формуляр личных листков по учету кадров является основанием для комплексного исследования элиты с применением статистических методов. Содержащиеся в этих документах сведения позволяют получить достаточно точные результаты при анализе таких её параметров, как национальная принадлежность, партийный стаж, уровень образования. По большинству личных листков отчетливо прослеживается направление и скорость социальных перемещений.

В то же время, используя личные листки по учету кадров для изучения партийно-советской элиты Сибири 1920-х годов, мы сталкиваемся, по меньшей мере, с двумя трудностями.

Во-первых, несмотря на многочисленность этих источников, выявить их удалось пока далеко не на каждого представителя исследуемой группы. Поиск недостающих документов является актуальной и перспективной задачей. Во-вторых, не все листки по учету кадров заполнены грамотно и аккуратно: в ряде документов имеют место пропуски, неточности, а порой явные ошибки. Поэтому при наличии такой возможности содержащаяся в личных листках по учету кадров информация, безусловно, необходимо проверять по другим делопроизводственным источникам.

ЛИТЕРАТУРА

1. Нигматуллин С.Х. Форма личного листка по учету кадров как отражение социальной политики в СССР в 1930–1950-х гг. (на примере документов московских школ) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2011. № 4. С. 92–97.
2. Известия ЦК РКП(б). М., 1921. 3. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 34. Д. 13. 4. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 34. Д. 11. 5. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 34. Д. 91.

Публикация: **Архивная служба: путь длиною в век. Традиции сохранения документального исторического наследия.** Материалы межрегиональной научно-практической конференции, посвященной 100-летию государственной архивной службы России (г. Новосибирск, 23 мая 2018 г.)